

ЛИССБЕТ КОТЦОВА
МАРГАРИТА ФУАРО

ОНА - ЕГО
ПРОБЛЕМА

ОН - ЕЁ
КАТАСТРОФА

КАТАСТРОФА ДЛЯ АЛЬФАЧА

Лиссбет Котцова

Катастрофа для альфа

<https://litres.ru/74205803>

Аннотация

Я привык обезвреживать бомбы. Но Варя — особый случай.

Дочь полковника, новый делопроизводитель и заноза в моей заднице с первого дня знакомства. Пышные формы, колдовские глаза и язык острее ножа — убойное сочетание.

Она выводит меня из себя. Я бешу её одним своим видом. И всё бы ничего, но между нами такое напряжение, что наш отдел скоро накроет взрывной волной.

Главное правило — не связываться с дочерью начальства. Проблема в том, что я уже влип.

служебный роман юмор и пикировки очень горячее притяжение герой-альфа обязательный хеппи-энд

Содержание

ГЛАВА 1 НОВЫЙ ГЕМОРОЙ	4
ГЛАВА 2 КАТАСТРОФА В ЮБКЕ	12
ГЛАВА 3 ДОЧЬ НАЧАЛЬСТВА	22
ГЛАВА 4 ПЕРВЫЙ РАУНД	31
ГЛАВА 5 НЕ МОЙ ТИП	42
ГЛАВА 6 ПОДСТАВА	59
ГЛАВА 7 ОСТРЫЙ ЯЗЫК	71
ГЛАВА 8 НЕЛОВКИЙ МОМЕНТ	82
ГЛАВА 9 СПАСЕНИЕ	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

ГЛАВА 1 НОВЫЙ ГЕМОРРОЙ

Я ненавижу отчёты.

Нет, серьёзно.
Пули, драки, штурмы, бессонные сутки в засаде — пожалуйста. Но сидеть в кабинете и разгребать бумажное дерьмо после операции? Вот где настоящий ад.

Я с глухим раздражением захлопнул папку и откинулся на спинку стула. В висках ещё стучал адреналин после последнего выезда. Два дня назад мы брали склад с оружием. Всё прошло жёстко, грязно и почти по классике: стрельба, дым, один идиот, решивший, что бессмертен.

И почти всё было нормально... кроме моего плеча.

Я поморщился, когда потянул рукой. Прострелило неприятно, но терпимо. Жить буду.

— Живой? — в кабинет сунулся Громов с кружкой кофе.

— К сожалению.

— Плохо старались, значит.

Я хмыкнул.
Вот за что люблю наших — сочувствие здесь выдавали строго по праздникам.

Громов плюхнулся напротив и закинул ноги на стол.

— Полкан тебя искал.

— Пусть дальше ищет.

— О-о-о... — довольно протянул он. — Кто-то сегодня в режиме «не подходи — убьёт».

— Я всегда в этом режиме.

— Не-а. Сегодня ты особенно обаятельный.

Я молча показал ему средний палец.

Громов заржал.

В отделе стоял привычный шум: кто-то ругался у принтера, кто-то спорил по телефону, у оперативников вечно что-то падало, хлопало и материлось. Родная атмосфера.

Дом.

Странно звучит, но именно здесь я чувствовал себя на месте. Среди таких же психов, как я.

Я уже собирался снова открыть документы, когда дверь кабинета распахнулась так резко, что ударилась о стену.

На пороге возник полковник.

Мрачный.
 Лысый.
 Опасный.

То есть обычный.

— Волков, ко мне.

Вот и всё. Царствие небесное.

Громов театрально перекрестился.

— Если не вернёшься, я заберу твой байк.

— Подавишься.

Я поднялся и пошёл за полковником по коридору.

— Как плечо? — неожиданно спросил он.

— Не дождётесь.

— Жаль.

Я усмехнулся.

Полковник умел быть нормальным человеком ровно тридцать секунд в месяц. Видимо, сегодня мне повезло.

Мы зашли в его кабинет.

И вот тут я понял — что-то не так.

Слишком спокойный взгляд.
 Слишком довольная рожа.

Это никогда не заканчивалось ничем хорошим.

— Садись.

— Постою. Так быстрее сбегать.

— Не беси меня, Волков.

— Тогда не начинайте.

Он тяжело выдохнул и снял очки.

— У нас изменения в отделе.

— Надеюсь, вы увольняетесь?

— Надеюсь, однажды тебя всё-таки пристрелят.

— Взаимно.

Полковник смерил меня долгим взглядом.

— К нам переводят нового делопроизводителя.

Я застыл.

Потом медленно уточнил:

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Волков...

— Только не говорите, что опять какая-нибудь тупая курица, которая будет путать отчёты и красить ногти над документами.

Полковник опасно прищурился.

— Во-первых, придержи язык. Во-вторых, она уже при-
нята.

Я тихо выругался.

— Нам не нужен делопроизводитель.

— Нужен.

— Нам нужен нормальный хакер, новый транспорт и лю-
ди, а не секретарша.

— Она не секретарша.

— Конечно. Они теперь все «специалисты документообо-
рота».

Полковник побарабанил пальцами по столу.

И тут его добило:

— Это моя дочь.

Тишина.

Где-то в коридоре кто-то заорал матом. Уронили что-то
тяжёлое.

А я смотрел на полковника и медленно охреневал.

— Простите... кто?

— Моя дочь. Варвара.

Я нервно усмехнулся.

— Вы шутите?

— Хотел бы.

— Вы в здравом уме?

— Не проверял.

Я провёл ладонью по лицу.

Только этого нам не хватало.

Дочь начальства.

Прекрасно.

Просто великолепно.

Теперь в отделе будет ходить маленькая принцесса, которой нельзя сказать лишнего слова, нельзя косо посмотреть и, не дай бог, довести до слёз.

Супер.

— Нет, — повторил я уже жёстче. — Даже не думайте вешать её на нас.

— Её никто на вас не вешает.

— Она неделю не выдержит.

— Выдержит.

— Сбежит после первого же выезда.

— Она не оперативник.

— Тогда зачем она здесь?

Полковник вдруг резко подался вперёд.

— Потому что она сама захотела.

Я скептически поднял бровь.

— Ага. Прямо мечтала работать среди вооружённых психов.

— Волков...

— Что?

— Не лезь к ней.

Я замолчал.

О-о-о...

Вот теперь стало интересно.

— В каком смысле «не лезь»?

Полковник посмотрел на меня так, будто мысленно уже закапывал в лесу.

— В прямом.

Я расхохотался.

Серьёзно. В голос.

— Вы сейчас это мне говорите, потому что считаете меня бабником?

— Потому что я тебя знаю.

— Обижаете.

— Волков, ты катастрофа.

— Зато обаятельная.

— Ты даже с трупом умудришься флиртовать.

— Если труп красивый...

— ЗАТКНИСЬ.

Я продолжал ухмыляться.

Полковник устало прикрыл глаза.

— Просто держись от неё подальше.

— Да больно надо.

— Вот и отлично.

Он явно расслабился.

Рано.

— Как хоть выглядит ваша принцесса?

— Не твоё дело.

— Страшная?

— Волков...

— Значит, страшная.

— ВОН ОТСЮДА.

Я поднялся, всё ещё посмеиваясь.

Но внутри уже зрело раздражение.

Дочь полковника в нашем отделе — это проблема.

Большая.

Жирная.

Очень неудобная проблема.

И почему-то я уже заранее был уверен — спокойная жизнь закончилась.

— Ну? — Громов буквально подпрыгнул, когда я вернулся в кабинет. — Чего хотел старый?

Я рухнул в кресло.

— У нас новый делопроизводитель.

— И?

— Дочь полковника.

Тишина.

Потом Громов медленно выдал:

— Мы сдохнем.

— Угу.

— Симпатичная хоть?

— Не видел.

— А чего такой злой тогда?

Я мрачно посмотрел на него.

— Потому что теперь нам всем придётся ходить по струн-

ке.

— Да ладно тебе. Может, нормальная девчонка.

— Конечно. А я балерина.

Громов заржал.

И именно в этот момент дверь кабинета снова открылась.

Я лениво повернул голову...

И завис.

На пороге стояла девушка.

Невысокая. Светлые волосы собраны в высокий хвост.

Огромные серые глаза. Белая рубашка, юбка, папки в руках.

И взгляд...

Чёрт.

Так обычно смотрят люди, готовые либо убить тебя, либо послать.

— Здравствуйте, — холодно произнесла она. — Подскажите, где кабинет майора Волкова?

Громов медленно повернулся ко мне.

Я молчал.

Потому что внезапно понял две вещи.

Первая — это она.

А вторая...

Полковник крупно, очень крупно попал.

ГЛАВА 2 КАТАСТРОФА В ЮБКЕ

— Подскажите, где кабинет майора Волкова?

У неё был красивый голос.

Не нежный.
 Не мягкий.
 А именно красивый — с лёгкой хрипотцой и холодком, от которого почему-то хотелось слушать дальше.

Я медленно поднялся из кресла.

Девушка тут же перевела взгляд на меня.

И, кажется, тоже слегка зависла.

Ну да. Реакция стандартная.

Меня сложно не заметить: почти метр девяносто, чёрная футболка, кобура под мышкой, разбитые костяшки и физиономия человека, который либо убьёт, либо сначала морально унизит.

Обычно женщины реагировали одинаково.

Либо начинали кокетничать.

Либо пугались.

Эта — нет.

Она просто смотрела. Спокойно. Внимательно. Будто оценивала.

И это неожиданно задело.

— Ну? — лениво протянул я. — Нашла?

— Что?

— Майора Волкова.

Она чуть прищурилась.

— Вы?

— К сожалению.

Громов рядом уже давился смехом.

Девушка медленно оглядела меня с головы до ног.

И выдала:

— Мда.

Я моргнул.

— Это сейчас было разочарование?

— Это сейчас было удивление.

— Чем же?

Она невозмутимо поправила очки.

— Я ожидала кого-то... постарше.

Громов заржал так громко, что у него чуть кружка из рук не выпала.

Я медленно улыбнулся.

Опасно.

— А я ожидал увидеть избалованную папину принцессу.

— Сочувствую. Вам часто приходится страдать от неоправданных ожиданий?

О.

А вот это уже интересно.

Громов кашлянул в кулак и предусмотрительно начал отползать подальше.

Инстинкт самосохранения у него работал отлично.

Я подошёл ближе.

Девушка даже не дрогнула.
Только подбородок вздёрнула выше.
Смелая.

Или очень глупая.

— Варвара Сергеевна? — уточнил я.

— Для вас — Варвара Сергеевна.

— Какие мы официальные.

— А какие вы хамоватые.

Я усмехнулся.

Чёрт.

Она реально нарывалась.

— Добро пожаловать в ад, Варвара Сергеевна.

— Спасибо. Судя по вашей роже, вы тут главный демон?

Громов застонал:

— Всё. Она труп.

Но я почему-то продолжал улыбаться.

Хотя внутри уже начинало странно покалывать раздражением.

И интересом.

Очень плохое сочетание.

— Ладно, — протянул я. — Идём. Покажу ваше рабочее место.

— Какая честь.

Она пошла за мной по коридору, цокая каблуками.

И я неожиданно поймал себя на том, что слишком хорошо слышу этот звук.

Твою мать.

Нет.

Даже думать не смей.

Дочь полковника.

Табу.

Красный уровень опасности.

Я резко открыл дверь маленького кабинета рядом с архивом.

— Ваше царство.

Варя вошла внутрь и огляделась.

Стол. Компьютер. Шкафы с документами. Старый кондиционер, который шумел так, будто собирался взлететь.

— Уютно, — сухо заметила она.

— Не нравится — можете пожаловаться папочке.

Она медленно повернулась ко мне.

— А вы всегда такой неприятный или это только для новеньких акция?

— Только для особо раздражающих.

— Тогда мы с вами быстро найдём общий язык.

Я хмыкнул.

Вот же язва.

Она поставила папки на стол и начала раскладывать документы, полностью меня игнорируя.

Словно меня тут уже не существовало.

Это было... непривычно.

Обычно женщины рядом со мной либо нервничали, либо

пытались понравиться.

Эта вела себя так, будто я мешал ей работать.

И это почему-то бесило.

— Значит так, — произнёс я жёстче. — Здесь не институт благородных девиц. У нас люди работают сутками. Орут. Матерятся. Иногда стреляют.

— Спасибо за экскурсию в мир тестостерона.

— Если станет страшно — выход там.

Она вскинула взгляд.

— А если страшно станет вам?

Я шагнул ближе.

Слишком близко.

Так, что почувствовал лёгкий сладкий запах её духов.

Что-то ванильное.

Тёплое.

Опасное.

— Мне? — тихо переспросил я.

— Угу.

— Поверьте, Варвара Сергеевна... меня сложно напугать.

Она медленно сняла очки.

И посмотрела прямо в глаза.

Чёрт.

Вот теперь стало по-настоящему опасно.

Потому что глаза у неё были не серые.

Они были... колдовские.

Светлые, с серебристым отливом.

И взгляд такой, будто она сейчас либо ударит тебя, либо поцелует.

— Посмотрим, майор Волков, — спокойно сказала она. У меня внутри что-то дёрнулось.

Неприятно.

Резко.

Словно инстинкт орал: «Беги, идиот».

Но было уже поздно.

Потому что именно в этот момент Варя потянулась к верхней полке шкафа.

И на неё сверху рухнула толстенная папка.

Прямо мне в лицо.

— БЛЯДЬ!

Удар был такой, что я реально пошатнулся.

Громов, заглянувший в кабинет, согнулся пополам от хохота.

— Волков убит секретной документацией!

— Заткнись, — прорычал я, прижимая ладонь к носу.

Варя испуганно ахнула.

— Я не специально!

— Конечно нет!

— Я же не знала, что вы под ней стоите!

— А где мне стоять?! На люстре?!

Она вдруг начала смеяться.

Тихо сначала.

Потом громче.

И вот тут я завис окончательно.

Потому что смех у неё был... красивый.

Живой.

Настоящий.

Без фальши.

Она смеялась так искренне, что у неё даже глаза заблестели.

А я смотрел и почему-то не мог отвести взгляд.

Твою мать.

Очень плохо.

Очень.

— Простите, — выдохнула она сквозь смех. — Просто у вас сейчас такое лицо...

— Какое?

— Очень злое.

— Я и есть злой.

— Уже заметила.

Она всё ещё улыбалась.

И это было странно.

Неправильно.

Потому что ещё пять минут назад я хотел выставить её отсюда к чёртовой матери.

А сейчас почему-то просто смотрел.

На её губы.

На светлую прядь волос, выбившуюся из хвоста.

На тонкие пальцы, которыми она поправляла очки.

Опасно.

Я резко сделал шаг назад.

— Разбирайтесь тут сами.

— С удовольствием.

— И не трогайте ничего важного.

— Тогда вам лучше сразу уйти из кабинета.

Громов за дверью задохнулся от смеха.

Я смерил её тяжёлым взглядом.

— Вы всегда такая?

— Какая?

— Проблемная.

Она чуть склонила голову.

И тихо ответила:

— А вы всегда такой самоуверенный?

— Да.

— Печально.

Я усмехнулся.

Нет.

Это не девушка.

Это катастрофа.

Причём из тех, после которых остаются руины.

Я уже собирался выйти, когда она вдруг сказала:

— Майор Волков.

Я обернулся.

— Что?

Она секунду помолчала.

Будто раздумывала.

А потом спокойно выдала:

— У вас кровь.

— Где?

— На губе.

Чёрт.

Папка всё-таки рассекла.

Я машинально провёл пальцем по губе.

Красное.

Варя неожиданно нахмурилась.

— Сильно ударило?

И в её голосе впервые прозвучало что-то живое.

Не язвительность.

Не холод.

Беспокойство.

Настоящее.

Меня это почему-то зацепило сильнее, чем должно было.

— Переживёте, — буркнул я.

— А вы?

— Я бессмертный.

Она тихо фыркнула.

— Самоуверенность — это диагноз.

— А язвительность — ваше хобби?

— Только рядом с красивыми хамами.

Я застыл.

Громов в коридоре подавился воздухом.

А Варя, будто вообще ничего особенного не сказала, спокойно отвернулась к столу.

И именно в этот момент я понял страшную вещь.

Эта девчонка не боится меня.

Вообще.

И почему-то именно это начинало сводить меня с ума.

ГЛАВА 3 ДОЧЬ НАЧАЛЬСТВА

В отделе новости распространялись быстрее пули.

Особенно такие.

К обеду о появлении дочери полковника знали уже все.

Абсолютно.

Даже дежурный на проходной, который обычно не помнил собственное имя после ночной смены.

Я шёл по коридору с кружкой отвратительного кофе и слушал, как за спиной шепчутся опера.

— Видел её?

— Ага. Симпатичная.

— Полкан совсем сдурел — свою сюда притащил.

— Интересно, надолго её хватит?

— Максимум неделя.

— Да ладно. Такие обычно после первого мата в слёзы.

Я усмехнулся.

Наивные.

Эта в слёзы не уйдёт.

Скорее сама кого-нибудь закопает.

И это раздражало ещё сильнее.

Потому что я всё утро ловил себя на мыслях о ней.

О её глазах.

О том, как она смотрела прямо, не отводя взгляда.

О её смехе.

Твою мать.

Мне вообще не должно быть до неё дела.

Но мозг, похоже, решил иначе.

— Волков! — окликнул меня Громов. — Ты чего такой мрачный?

— Я всегда такой.

— Не-а. Сегодня ты как будто тебя бросили.

— Отвали.

Он заржал и пошёл рядом.

— Ну что, как тебе полковничья принцесса?

— Никак.

— Врёшь.

— Громов...

— Да ладно тебе. Красивая же.

Я молча отпил кофе.

Красивая.

Очень.

И это была проблема.

Большая.

Потому что красивые женщины рядом со мной долго не задерживались.

Мне хватало пары ночей, чтобы потерять интерес.

А тут...

Я с раздражением понял, что интерес только рос.

Бесит.

— Ты видел, как она тебя приложила папкой? — продол-

жал ржать Громов. — Я чуть не сдох.

— Жаль, что не сдох.

— Ой, всё. Волков задет.

— Никто меня не задел.

— Ага. Особенно твоя рожа сейчас.

Я уже собирался послать его, когда заметил Варю.

Она стояла у копировального аппарата в конце коридора и пыталась разобраться с техникой.

И, кажется, техника проигрывала.

Копир мигал красной лампочкой и угрожающе трещал.

— Сейчас рванёт, — философски заметил Громов.

— Не дождёшься.

Варя раздражённо выдохнула и стукнула ладонью по крышке аппарата.

Тот жалобно пискнул.

Я неожиданно усмехнулся.

— Помочь? — крикнул Громов.

Она резко повернулась.

— Если умеете — да.

— Не-а. Но Волков умеет.

Спасибо, предатель.

Я уже хотел отказаться.

Честно.

Но Варя посмотрела прямо на меня своими светлыми глазами и спокойно сказала:

— Майор, спасёте технику или боитесь умных устройств?

Громов согнулся от смеха.

Я медленно подошёл к копиру.

— Вы нарываетесь.

— Вы тоже.

Она стояла слишком близко.

Я чувствовал запах её духов.

Тот самый — сладкий, тёплый, опасный.

Чёрт.

Я наклонился к аппарату, открыл крышку.

— Бумагу зажевало.

— Как трагично.

— Сейчас расплачусь.

— Не надо. Вдруг затопите отдел.

Я бросил на неё тяжёлый взгляд.

Она невинно улыбнулась.

Маленькая стерва.

Пока я вытаскивал бумагу, в коридоре снова слышались
голоса.

— Да всё понятно. Полкан дочку пристраивает.

— Конечно. Кто бы её сюда без связей взял?

— Сидела бы дома ногти красила.

Я замер.

Варя тоже.

На секунду в коридоре стало тихо.

Очень.

Потому что опера внезапно поняли — их слышат.

Я медленно поднял голову.

Варя стояла неподвижно.

Только пальцы сильнее сжались на папке.

И вот теперь я впервые увидел, как её задело.

Не внешне.

Она продолжала держать лицо.

Но глаза...

В них будто что-то потухло.

— Варя... — начал один из парней неловко.

— Продолжайте, — спокойно сказала она. — Мне даже интересно.

Никто не ответил.

Потому что одно дело трепаться за спиной.

И совсем другое — сказать человеку в лицо, что он здесь по благу.

Я видел, как напряглись её плечи.

Как она старалась выглядеть равнодушной.

Но слишком хорошо знал этот взгляд.

Так смотрят люди, которых ударили туда, где болит.

— Я сама сюда попросилась, — тихо произнесла она.

— Да мы ничего такого... — пробормотал кто-то.

— Конечно.

Она усмехнулась.

Горько.

И это почему-то резануло меня сильнее, чем должно было.

— Думаете, мне нравится слышать, что я здесь только из-за фамилии?

Тишина.

— Думаете, мне самой это нравится?

Она резко выдохнула и отвернулась.

И тут меня накрыло раздражением.

На парней.

На неё.

На себя.

Потому что я ведь тоже так думал.

С первой секунды.

Полковничья дочка.

Принцесса.

Блат.

И только сейчас почему-то стало мерзко от собственных мыслей.

— Волков, — тихо позвал Громов, чувствуя, что сейчас рванёт.

Поздно.

Я захлопнул крышку копира так резко, что все вздрогнули.

— Работайте уже, — холодно бросил я операм.

Те моментально испарились.

Варя коротко усмехнулась.

— Спасибо, герой.

— Не обольщайтесь.

— Даже не думала.

Она попыталась пройти мимо меня.

Но я неожиданно поймал её за локоть.

Тонкий.

Тёплый.

И слишком хрупкий для этого места.

Варя резко вскинула взгляд.

— Отпустите.

Голос спокойный.

Но в глазах злость.

Настоящая.

Я медленно разжал пальцы.

— Вас это так задело?

Она нервно усмехнулась.

— А вас бы не задело?

— Я привык, что обо мне говорят дерьмо.

— Поздравляю.

— Варя...

— Что?

Я замолчал.

Потому что впервые не знал, что сказать.

Она смотрела на меня так, будто ждала очередной колкости.

Очередного удара.

И это бесило.

Потому что я вдруг понял — она постоянно ждёт, что её

будут оценивать через фамилию отца.

Не её саму.

А «дочку полковника».

— Они идиоты, — неожиданно для самого себя сказал я.

Варя моргнула.

— Что?

— Опера. Идиоты.

Она тихо фыркнула.

— А вы?

— А я главный идиот.

На секунду её губы дрогнули.

Почти улыбка.

И вот это почему-то ударило сильнее всего.

Потому что мне внезапно захотелось увидеть, как она улыбается по-настоящему.

Не язвительно.

Не натянуто.

А искренне.

Очень плохое желание.

Очень.

Варя отвела взгляд и тихо сказала:

— Знаете, что самое отвратительное?

— Что?

— Я ведь реально старалась.

В груди что-то неприятно сжалось.

— Красный диплом. Курсы. Практика. Я полгода добива-

лась перевода сюда. Полгода.

Она нервно усмехнулась.

— И всё равно для всех останусь просто дочкой начальника.

Я смотрел на неё и неожиданно понимал — она не врёт.

Ни капли.

Ей действительно важно доказать, что она чего-то стоит сама.

И почему-то именно в этот момент она стала ещё опаснее.

Потому что красивые девушки меня не цепляли.

А вот упрямые...

Твою мать.

Это был конец.

— Варя.

Она подняла глаза.

И я впервые сказал ей совершенно честно:

— Вам здесь будет тяжело.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Она секунду молчала.

А потом тихо ответила:

— Потому что я устала быть просто чьей-то дочерью.

И вот тут меня накрыло окончательно.

ГЛАВА 4 ПЕРВЫЙ РАУНД

— Волков, зайди ко мне.

Я поднял голову от телефона и мрачно посмотрел на полковника, стоящего в дверях кабинета.

— Если это снова про вашу дочь, то я увольняюсь.

— Поздно. Ты уже в аду.

Громов рядом радостно заржал.

Предатель.

Я нехотя поднялся и пошёл за полковником. По пути поймал себя на том, что автоматически ищу взглядом светлую макушку Вари.

И тут же мысленно выругался.

Да что со мной не так?

Она всего второй день в отделе.

ВТОРОЙ.

А ощущение, будто эта женщина уже успела залезть мне под кожу.

Раздражающая.
 Язвительная.
 Слишком красивая.

Опасная.

Я зашёл в кабинет полковника и сразу понял — сейчас будет что-то нехорошее.

Потому что Варя сидела за столом рядом с ним.

С папками.

С моими папками.

Твою мать.

— Что опять? — настороженно спросил я.

Варя подняла глаза.

И спокойно произнесла:

— У вас ошибки в отчётах.

Тишина.

Где-то в коридоре хлопнула дверь.

А я медленно перевёл взгляд на полковника.

— Она сейчас пошутила?

— Нет, — невозмутимо ответила Варя. — В документах за прошлый квартал неправильно оформлены три протокола задержания, два акта изъятия и половина служебных рапортов.

Я моргнул.

Потом усмехнулся.

— Девочка, ты второй день здесь.

— И уже нашла бардак.

Полковник резко закашлялся, пряча улыбку.

Предатель номер два.

Я подошёл ближе к столу.

— Покажи.

Варя молча подвинула ко мне папку.

Я пролистал документы.

И с каждой страницей настроение становилось всё хуже.

Потому что она, мать её, была права.

Где-то не хватало подписи.

Где-то дата стояла неправильно.

В одном отчёте вообще был косяк с номерами вещественных доказательств.

Мелочи.

Но неприятные.

Я резко захлопнул папку.

— И что?

Варя медленно подняла бровь.

— В смысле?

— Это не критично.

— До первой проверки.

Я скрипнул зубами.

— Справимся.

— Конечно. Особенно когда прокуратура начнёт задавать вопросы.

Полковник уже откровенно наслаждался шоу.

Сволочь.

— Волков, — спокойно произнёс он, — Варвара права.

Я посмотрел на него так, будто собирался придушить прямо здесь.

— Вы на чьей стороне вообще?

— На стороне порядка.

— Тогда вам точно не к нам.

Варя тихо фыркнула.

И это почему-то добило окончательно.

— Что смешного?

— Ничего. Просто забавно смотреть, как взрослый вооружённый мужчина обижается на документы.

— Я не обижаюсь.

— Конечно.

— Варя...

— Что?

— Не бесите меня.

Она невинно моргнула.

— А вы тогда не косячьте в отчётах.

Полковник закашлялся в кулак, скрывая смех.

Я медленно выдохнул.

Спокойно.

Спокойно, Волков.

Ты взрослый человек.

Ты не можешь придушить дочь начальника папкой.

Хотя очень хочется.

— Ладно, — процедил я. — Исправим.

— Уже исправила.

Я застыл.

— Что?

Варя спокойно достала ещё одну папку.

— Вот. Я внесла пометки, распечатала правильные версии и подготовила всё на подпись.

Я уставился на неё.

Потом на папку.

Потом снова на неё.

— Ты... что сделала?

— Работу.

Чёрт.

Вот теперь меня реально переклинило.

Потому что я ожидал чего угодно.

Слёз.

Высокомерия.

Беспомощности.

Но не этого.

Не того, что она за два дня разберётся в документации лучше половины нашего отдела.

Это было по самолюбию.

Сильно.

Очень.

— То есть ты решила, что можешь лезть в мою работу?
— холодно спросил я.

Варя медленно встала.

Маленькая.

Хрупкая.

И совершенно, мать её, бесстрашная.

— Я решила, что если вижу ошибку — её надо исправить.

— Без тебя разберёмся.

— Судя по документам — нет.

Я резко шагнул к ней.

Слишком близко.

Полковник сразу напрягся.

А Варя даже не отступила.

Только подбородок выше подняла.

— Ты сейчас нарываешься, Варвара Сергеевна.

— А вы сейчас злитесь не из-за ошибок.

— Да?

— Да.

Она смотрела прямо мне в глаза.

Спокойно.

Уверенно.

И это бесило сильнее всего.

— Тогда из-за чего я злюсь?

Её губы дрогнули в лёгкой улыбке.

— Потому что я оказалась полезной.

Удар.

Точно в цель.

Я аж воздухом подавился.

Полковник тихо пробормотал:

— Блядь...

Да.

Вот именно.

Потому что она была права.

Меня бесило не то, что она нашла косяки.

А то, что она оказалась умной.

Компетентной.

И, чёрт возьми, действительно полезной.

А я уже успел записать её в «папиных принцесс».

— Волков, — осторожно начал полковник, — не начинай.

Поздно.

Меня уже закусил.

— Ладно, — медленно произнёс я. — Раз такая умная — разберись тогда ещё и с архивом.

Полковник нахмурился.

— Волков.

— Что? Ей же нравится работать.

Варя неожиданно спокойно ответила:

— Хорошо.

Я даже опешил.

— Что?

— Разберусь.

— Там документов за пять лет.

— Значит, будет интересно.

Я прищурился.

Она что, издевается?

— Ты сейчас пытаешься доказать, что круче всех?

— Нет.

— Тогда зачем тебе это?

Варя секунду молчала.

А потом тихо сказала:

— Потому что я устала, что меня считают бесполезной.

И всё.

Всё.

Внутри будто что-то дёрнулось.

Неприятно.

Резко.

Потому что сказано было слишком честно.

Без игры.

Без пафоса.

Я вдруг очень ясно представил, каково это — всю жизнь слышать, что тебя оценивают не за тебя.

А за фамилию.

За связи.

За папу.

Чёрт.

— Варя... — начал я уже спокойнее.

— Не надо.

Она быстро отвела взгляд.

И вот это задело сильнее всего.

Потому что впервые за всё время я увидел: ей больно.

Она держалась.

Остро шутила.

Огрызалась.

Но внутри её реально жрали эти разговоры.

Полковник тяжело выдохнул и отвернулся к окну.

Я впервые заметил, как он смотрит на дочь.

Не как начальник.

Как отец.

Который переживает.

И не знает, как защитить.

Стало как-то паршиво.

Очень.

Варя быстро собрала папки.

— Я пойду работать.

И направилась к двери.

Я сам не понял, зачем окликнул:

— Стой.

Она остановилась.

Но не обернулась.

— Что?

Я смотрел на её напряжённую спину и впервые в жизни не знал, как нормально разговаривать с женщиной.

Обычно всё было просто.

Флирт.

Шутки.

Постель.

Конец истории.

А здесь...

Я не понимал, что делать.

Потому что эта девчонка вызывала слишком много эмоций.

Раздражение.

Интерес.

Злость.

И какое-то дикое желание защитить.

Очень плохой набор.

— Ты реально сама всё это исправила? — тихо спросил я.

Она наконец повернулась.

— Да.

— За ночь?

— Я плохо сплю.

В её голосе вдруг промелькнула усталость.

Настоящая.

И я неожиданно представил её ночью в пустом кабинете.

Одну.

Среди папок.

Пытающуюся доказать всем вокруг, что она чего-то стоит.

Твою мать.

Это был нокаут.

Потому что в этот момент мне впервые захотелось не спорить с ней.

А просто подойти.

И сказать, что ей не нужно никому ничего доказывать.

Но вместо этого я, как последний идиот, выдал:

— Ладно. Допустим, ты не бесполезная.

Варя уставилась на меня.

Потом медленно улыбнулась.

Красиво.

Очень.

— Ничего себе, майор Волков. Это почти комплимент.

И вот тогда я понял окончательно.

Мы оба пропали.

ГЛАВА 5 НЕ МОЙ ТИП

Я всегда точно знал, какие женщины мне нравятся.

Спокойные.
 Удобные.
 Понимающие правила игры.

Без претензий на душу, без разговоров «а что между нами?», без обид, если утром я уезжал раньше, чем они просыпались.

Всё просто.

Встретились.
 Понравились.
 Разошлись.

Никаких драм.

Никаких обещаний.

Никаких колдовских глаз, которые лезут в голову, когда ты пытаешься разобрать оружие.

И уж точно никаких блондинок с острым языком, способных за два дня превратить весь отдел в свой личный фронт.

Варя была не моим типом.

Абсолютно.

Я повторял это себе с утра, пока стоял в душевой после тренировки и лил на голову ледяную воду.

Не мой тип.

Слишком дерзкая.

Слишком упрямая.

Слишком дочь полковника.

Последний пункт вообще должен был убить любой инте-

рес на корню.

Должен был.

Но почему-то не убивал.

Я вышел из душевой, натянул футболку и с раздражением посмотрел на своё отражение в зеркале.

На скуле ссадина.
Под глазом тень от недосыпа.
На губе тонкая полоска от вчерашней папки.

Идиотская папка.

И идиотская девчонка, которая потом смотрела на кровь на моей губе так, будто ей правда было не всё равно.

— Соберись, Волков, — пробормотал я себе.

С отражением это не помогло.

Оно смотрело на меня так, будто прекрасно знало: я уже влип.

Нет.

Нет, мать вашу.

Я не влип.

Я просто привык контролировать всё вокруг. А Варвара Сергеевна контролю не поддавалась.

Вот и всё.

Это не интерес.

Это раздражение.

Обычное, здоровое, мужское раздражение на женщину, которая слишком много говорит.

С этой мыслью я вышел в коридор.

И сразу услышал её голос.

— Нет, акт надо переделать. Здесь неверно указано основание передачи материалов.

Я остановился.

Просто на секунду.

У архивной стояла Варя с двумя папками в руках и объясняла что-то молодому оперу. Тот смотрел на неё так, будто перед ним не делопроизводитель, а личный кошмар в юбке.

— Варвара Сергеевна, ну там же всё нормально...

— Нормально — это когда документ не развалится при первой проверке.

— Да кто его проверять будет?

— Прокуратура. Начальство. Суд. Или я.

Опер заметно побледнел.

Я едва не усмехнулся.

Маленькая, светлая, с аккуратным хвостом и невинным лицом — и при этом давит так, что взрослые мужики начинают жалеть о жизни.

Варя повернула голову.

И наши взгляды встретились.

На долю секунды.

Но мне хватило.

В груди что-то неприятно сжалось.

Она была сегодня в светло-голубой рубашке. Волосы собраны выше, несколько прядей выбились у виска. На губах ничего яркого, только естественный розовый оттенок.

Не мой тип.

Вообще.

Я люблю других.

Хотя кого я обманиваю?

Я давно никого не люблю.

Я просто беру то, что хочу.

А Варю брать было нельзя.

Не потому, что не хотелось.

А потому, что рядом с ней впервые за долгое время хотелось не просто взять.

Хотелось задержаться.

И это было хуже любого ранения.

— Майор Волков, — сказала она спокойно.

— Варвара Сергеевна.

— У вас такой вид, будто вы снова недовольны миром.

— Я не недоволен миром. Я недоволен конкретно вами.

Опер рядом резко сделал вид, что его здесь нет.

Варя чуть улыбнулась.

— Как трогательно. Я уже стала частью вашего утра?

— Не обольщайтесь.

— Поздно.

Она протянула мне папку.

— Подпишите.

Я уставился на документ.

— Что это?

— Исправленный рапорт по прошлой операции.

— Я его уже подписывал.

— Неправильно.

Я поднял на неё взгляд.

— Вы хотите сказать, что я даже расписываться не умею?

— Хочу сказать, что вы расписались не там.

Опер издал сдавленный звук и сбежал.

Предатель.

Я взял папку и намеренно медленно пролистал страницы.

На самом деле всё было верно.

Она снова всё сделала идеально.

И это бесило.

Нет, не бесило.

Задевало.

Потому что я смотрел на аккуратные пометки, на ровные строки, на цветные закладки — и понимал: она действительно вкалывает.

Не играет в работу.

Не изображает полезность.

Вкалывает.

— Вы всю ночь с этим сидели? — спросил я.

— Не всю.

— Врёте.

— Учусь у лучших.

Я усмехнулся.

— У меня?

— Боже упаси.

И снова эта искра.

Быстрая.

Острая.

Будто кто-то чиркнул спичкой рядом с бензином.

Я протянул ей подписанный лист.

Наши пальцы соприкоснулись.

Случайно.

Всего на миг.

Но меня словно током ударило.

Не красиво.
 Не романтично.
 А жестко, под рёбра.

Я сразу убрал руку.

Варя тоже.

Слишком быстро.

И вот это я заметил.

Как она замерла.

Как ресницы дрогнули.

Как губы чуть приоткрылись, будто она хотела что-то сказать, но передумала.

Значит, не одному мне показалось.

Плохо.

Очень плохо.

— Спасибо, — произнесла она тише обычного.

— Не за что.

Мы стояли слишком близко.

Коридор шумел, кто-то проходил мимо, звонил телефон, хлопали двери, но всё это будто отодвинулось.

Остались только её глаза.

Её запах.

Ваниль и что-то свежее, холодное, как воздух после грозы.

Я вдруг поймал себя на идиотском желании наклониться ближе.

Просто чтобы понять, правда ли она так пахнет.

Или меня уже окончательно переключило.

— Волков!

Громов хлопнул меня по плечу, и я едва не врезал ему рефлекторно.

— Ты чего завис? Полкан орёт, всех в зал совещаний.

Варя отступила первой.

И сразу стало легче.

Нет.

Хуже.

Потому что я почувствовал, как не хватает её близости.

Чёрт.

— Идёмте, Варвара Сергеевна, — сказал я грубее, чем хотел.

Она прищурилась.

— Вы всегда так быстро портите момент?

Я застыл.

Громов радостно открыл рот.

Я ткнул в него пальцем.

— Слово скажешь — умрёшь.

— Молчу, командир.

Варя прошла мимо меня.

И я снова слышал звук её каблучков.

Спокойный.

Уверенный.

Раздражающий.

Сводящий с ума.

Совещания я ненавидел почти так же сильно, как отчёты.

Полковник стоял у экрана и раздавал задачи. Группа слушала. Кто-то записывал. Кто-то делал вид.

Варя сидела у стены с блокнотом на коленях.

Я старался на неё не смотреть.

Правда старался.

Хватило меня минут на пять.

Потом взгляд сам скользнул к ней.

Она писала быстро, чуть наклонив голову. Светлые волосы падали на щёку, и она раздражённо убирала прядь за ухо. На пальцах — тонкое серебряное кольцо. На запястье — маленькие часы.

Обычные детали.

Глупые.

Незначительные.

Но я замечал всё.

Как она морщит нос, когда сосредоточена.
 Как прикусывает губу, если что-то не сходится.
 Как хмурится, когда кто-то говорит ерунду.

Я не должен был замечать.

Не должен.

— Волков, — резко сказал полковник.

Я поднял взгляд.

— Что?

— Повторишь задачу?

Громов рядом сделал лицо человека, которому подарили праздник.

Сволочь.

Я спокойно пересказал последние пункты.

Без ошибки.

Профессиональные навыки никто не отменял.

Полковник смотрел с подозрением, но придраться не смог.

Варя тихо усмехнулась.

Я слышал.

Конечно слышал.

После совещания все начали расходиться. Я уже хотел уйти, но полковник задержал меня взглядом.

— Волков. Останься.

Вот теперь точно плохо.

Когда кабинет опустел, полковник подошёл ближе.

— Что происходит?

— В каком смысле?

— Не делай из меня идиота.

— Даже не пытаюсь.

Он прищурился.

— Ты пялился на мою дочь половину совещания.

Я напрягся.

Внутри всё мгновенно стало холодным.

— Вам показалось.

— Волков.

— Товарищ полковник, — сказал я жёстко, — я на неё не пялился.

Он подошёл ближе.

И теперь передо мной стоял не начальник.

Отец.

Опасный, злой, готовый перегрызть горло любому, кто подойдёт слишком близко.

— Я тебя предупредил.

— Я помню.

— Тогда запомни ещё раз. Варя не для тебя.

Я усмехнулся.

Зря.

Полковник сразу потемнел лицом.

— Смешно?

— Нет.

— Она не одна из твоих девок на одну ночь.

Удар был точный.

Грязный.

Но заслуженный.

Я сжал челюсть.

— Я это знаю.

— Не уверен.

— Уверьтесь.

Он смотрел долго.

Тяжело.

Будто пытался просчитать, насколько я опасен.

А я стоял и злился.

На него.
 На себя.
 На Варю, которая вообще ни
в чём не виновата.

Потому что он был прав.

Варя не для меня.

Не с моей жизнью.

Не с моим прошлым.

Не с моей привычкой всё ломать, до чего дотянусь.

Она была светлая.

Живая.

Упрямая.

И если я сунусь — сделаю больно.

Я умел это.

Даже когда не хотел.

— Между мной и вашей дочерью ничего нет, — сказал я
наконец.

Полковник медленно кивнул.

— Вот и сделай так, чтобы не было.

Я вышел из кабинета с таким ощущением, будто мне в
грудь положили камень.

Тяжёлый.

Холодный.

Правильный.

Сделай так, чтобы не было.

Легко сказать.

Вечером я задержался в спортзале.

Бил грушу так, будто она была виновата во всех моих проблемах.

Удар.
 Ещё удар.
 Ещё.

Костяшки ныли.

Плечо горело.

В голове звучал голос полковника:

«Варя не для тебя».

Да знаю я.

Знаю.

Проблема в том, что знание не помогало.

Я остановился, тяжело дыша, и прислонился лбом к холодной коже груши.

Мне нравились простые вещи.

Приказ.
 Цель.
 Действие.
 Результат.

С женщинами тоже было просто.

До неё.

С Варей всё было иначе.

Она не пыталась понравиться.
 Не боялась.
 Не уступала.
 Не смотрела на меня так, будто я герой.

Она видела во мне хама, самовлюблённого альфаца и ходячую проблему.

И, возможно, впервые кто-то был так близок к правде.

— Вы всегда избиваете инвентарь с таким трагическим лицом?

Я резко обернулся.

Варя стояла у входа.

Без папок.

Без делового выражения.

В простой тёмной кофте и с распущенными волосами.

Блондинка.

Маленькая.

Невозможная.

И такая красивая, что у меня на секунду сбилось дыхание.

Не мой тип.

Да пошло оно всё.

— Что вы здесь делаете? — спросил я хрипло.

— Искала архивный ключ. Мне сказали, он у вас.

— В кабинете.

— А вы тут.

— Наблюдательная.

Она вошла ближе.

— У вас кровь на руке.

Я посмотрел на костяшки.

И правда.

— Ерунда.

— Вы вообще знаете другие слова, кроме «ерунда» и «не обольщайтесь»?

— Знаю. Но вам не понравятся.

Она подошла ещё ближе.

Слишком.

— Дайте руку.

Я нахмурился.

— Что?

— Руку, Волков.

— Зачем?

— Посмотреть.

— Я сам разберусь.

— Конечно. Вы же бессмертный.

Она взяла мою ладонь сама.

И я замер.

Её пальцы были прохладными.

Нежными.

Осторожными.

И это было настолько не вяжущееся с её колким языком, что меня пробило где-то глубоко внутри.

Варя осматривала разбитые костяшки.

Хмурилась.

И молчала.

А я смотрел на неё сверху вниз и не мог пошевелиться.

Потому что в этот момент она была слишком близко.

Потому что её волосы пахли чем-то сладким.

Потому что её ресницы отбрасывали тень на щёки.

Потому что мой мир вдруг сузился до её пальцев на моей ладони.

— Надо обработать, — тихо сказала она.

— Варя.

Она подняла глаза.

И всё.

Я пропал.

Никаких выстрелов.
Никаких взрывов.
Никакой крови.

Просто взгляд.

Просто девчонка, которая вообще не мой тип.

И желание, от которого внутри стало больно.

Я медленно забрал руку.

— Не надо.

Она моргнула.

— Что?

— Не надо обо мне заботиться.

Её лицо изменилось.

Чуть-чуть.

Но я увидел.

Боль.

Укол.

Разочарование.

— Я просто хотела помочь.

— Не стоит.

— Почему?

Потому что я начну привыкать.

Потому что мне понравится.

Потому что однажды я захочу больше, чем могу взять.

Потому что твой отец прав.

Потому что я катастрофа.

Потому что ты — не для меня.

Но вслух я сказал другое:

— Потому что вы не мой тип, Варвара Сергеевна.

Тишина ударила сильнее, чем любой выстрел.

Варя медленно отпустила мою руку.

Её глаза стали холодными.

Слишком холодными.

— Вот как.

Я молчал.

Потому что если сейчас открою рот — всё испорчу ещё больше.

Хотя куда уж больше.

Она коротко усмехнулась.

— Не переживайте, майор. Вы тоже не в моём вкусе.

И развернулась к выходу.

Я смотрел ей вслед и чувствовал, как внутри что-то рушится.

Глупо.

Сам сказал.

Сам оттолкнул.

Сам сделал правильно.

Почему же тогда так хреново?

У двери Варя остановилась, не оборачиваясь.

— Ключ оставьте у меня на столе. Я больше не буду вас беспокоить.

Дверь закрылась тихо.

Без хлопка.

Без скандала.

И от этого стало ещё хуже.

Я остался один в пустом спортзале.

С разбитыми костяшками.

С бешеным сердцем.

С её запахом на коже.

И с пониманием, что только что соврал.

Самой себе она могла сколько угодно быть не в моём вкусе.

Но я уже знал правду.

Варя была не моим типом.

Она была моей катастрофой.

ГЛАВА 6 ПОДСТАВА

Утро началось с крика.

— КТО ЭТО СДЕЛАЛ?!

Голос полковника грохнул по отделу так, что даже дежурный у входа вздрогнул.

Я оторвал голову от отчёта и поморщился.

— Ну всё, — философски произнёс Громов. — Кто-то сегодня умрёт.

— Главное, не я.

— Поздно. Полкан уже зовёт тебя взглядом.

Я поднял глаза.

И правда.

Полковник стоял в дверях своего кабинета с таким лицом, будто собирался устроить публичную казнь.

А рядом...

Стояла Варя.

Бледная.

Напряжённая.

И с таким выражением глаз, что внутри у меня что-то неприятно кольнуло.

— Волков. Живо.

Я поднялся и пошёл в кабинет.

Атмосфера там была такая, что можно ножом резать.

На столе лежали папки.

Много папок.

Очень много.

Полковник смотрел на Варю так жёстко, что даже мне стало не по себе.

— Объясните мне, Варвара Сергеевна, — ледяным голосом произнёс он, — как секретные документы оказались в общем архиве?

Я нахмурился.

Что?

Варя резко вскинула голову.

— Я их туда не отправляла.

— Но они там оказались.

— Это не я.

— На папках ваша подпись.

Тишина.

Я перевёл взгляд на документы.

И действительно.

Её подпись.

Чёткая.

Аккуратная.

Настоящая.

Варя побледнела ещё сильнее.

— Я этого не делала.

Полковник резко ударил ладонью по столу.

— Хватит!

Она вздрогнула.

Совсем чуть-чуть.

Но я заметил.

Чёрт.

— Это уже не ошибка, Варя! — жёстко продолжил он. —
Это серьёзное нарушение!

— Я знаю!

— Тогда как это произошло?!

— Не знаю!

В её голосе впервые за всё время прозвучала паника.
Настоящая.

Не игра.

Не обида.

Страх.

И почему-то именно это меня зацепило.

Но мозг всё ещё цеплялся за факты.

Подпись есть.

Документы оформлены через неё.

Что тут вообще можно отрицать?

Я скрестил руки на груди.

— Ты проверяла папки перед отправкой?

Варя резко повернулась ко мне.

И в её глазах вспыхнула злость.

— Конечно проверяла!

— Тогда как они там оказались?

— Я НЕ ЗНАЮ!

— Значит, плохо проверяла.

Удар.

Я увидел его сразу.

Как она застыла.

Как будто я дал ей пощёчину.

В кабинете повисла тишина.

Даже полковник перестал орать.

Варя медленно перевела взгляд на меня.

И тихо произнесла:

— Вы тоже думаете, что я всё испортила?

Я уже хотел ответить жёстко.

Привычно.

Но почему-то замолчал.

Потому что выглядела она сейчас...

Разбитой.

И это было неправильно.

Не вязалось с той Варей, которая огрызалась, спорила и бесила весь отдел одним взглядом.

Сейчас передо мной стояла просто уставшая девчонка, которую загнали в угол.

— Я думаю, — холодно сказал я, — что кто-то накосячил.

— И конечно, это я.

— Ты отвечала за документы.

Она коротко усмехнулась.

Больно.

Горько.

— Ну да. Удобно.

Полковник тяжело выдохнул и устало провёл рукой по лицу.

Впервые за всё время он выглядел не злым.

Измотанным.

— Варя... — начал он уже тише.

— Не надо.

Она резко отвернулась.

И вот это меня неожиданно выбило сильнее крика.

Потому что я понял — она сейчас изо всех сил пытается не заплакать.

И ненавидит себя за это.

Твою мать.

— Я всё проверяла, — тихо сказала она. — Каждый лист.

— Но ошибки есть, — жёстко ответил я.

Она посмотрела прямо мне в глаза.

И вот теперь в её взгляде было столько боли, что внутри неприятно сжалось.

— Вам так нравится думать обо мне хуже?

Удар.

Чёткий.

Под рёбра.

Я стиснул челюсть.

Потому что, блядь, да.

Наверное.

Так проще.

Проще считать её избалованной дочкой начальства.

Проще раздражаться.

Проще держать дистанцию.

Потому что если признать, что она действительно старается...

Тогда я окончательно влип.

— Я не думаю о тебе хуже, — процедил я.

— Правда?

— Правда.

Она нервно усмехнулась.

— Тогда почему каждый раз смотрите так, будто ждёте, когда я облажусь?

Тишина.

Полковник медленно перевёл взгляд на меня.

И почему-то мне стало не по себе.

Потому что она попала.

Опять.

Я действительно ждал.

Подсознательно.

Ждал, когда она подтвердит мои ожидания.

Когда окажется слабой.

Глупой.

Не подходящей для этой работы.

Но проблема была в том, что Варя ломала все мои представления о ней.

И это бесило.

— Ладно, — резко сказал полковник. — Хватит. Доку-

менты нужно срочно изъять и разобраться, как это произошло.

Варя молча кивнула.

Слишком тихо.

Слишком покорно.

И это было хуже любых её колкостей.

Она собрала папки дрожащими пальцами и направилась к двери.

Я вдруг заметил, как сильно она сжимает челюсть.

Как старается держаться.

Как не поднимает взгляд.

Чёрт.

Мне это не нравилось.

Совсем.

— Варя, — неожиданно позвал я.

Она остановилась.

Но не обернулась.

— Что?

Я сам не понял, зачем сказал:

— Разберёмся.

Плечи у неё дрогнули.

Совсем чуть-чуть.

— Конечно, майор Волков.

И вышла.

Дверь закрылась тихо.

А ощущение осталось такое, будто мне в грудь кирпич ки-

нули.

Полковник тяжело сел в кресло.

— Она этого не делала.

Я резко посмотрел на него.

— Тогда откуда подпись?

— Не знаю.

— Сергей Петрович...

— Волков, я её знаю.

— Люди ошибаются.

— Варя — нет.

Я замолчал.

Потому что в его голосе была абсолютная уверенность.

Отцовская.

Непробиваемая.

И почему-то это снова неприятно кольнуло внутри.

— Проверь камеры, — бросил полковник.

— Думаете, кто-то специально?

— Думаю, мою дочь кто-то очень хочет выставить идиот-кой.

Я вышел из кабинета с тяжёлой головой.

Громов сразу поднялся навстречу.

— Ну?

— Проблемы.

— У принцессы?

— Громов...

— Всё-всё, молчу.

Я пошёл к архиву.

И сам не заметил, как ускорил шаг.

Варя сидела за столом одна.

Перед ней лежали папки.

Она смотрела в документы, но явно ничего не видела.

Светлые волосы закрывали половину лица.

И впервые за всё время она выглядела маленькой.

Не язвительной.

Не колючей.

Просто уставшей.

— Варя.

Она вздрогнула.

Быстро выпрямилась.

Снова надела маску спокойствия.

— Что ещё, майор?

Чёрт.

Вот это «майор» сейчас прозвучало как пощёчина.

Я подошёл ближе.

— Ты правда всё проверяла?

— Нет, блин. Я специально решила угробить карьеру на первой неделе.

— Не начинай.

— А вы не обвиняйте меня.

Я выдохнул.

Тяжело.

— Я не обвиняю.

— Да что вы?

Она резко поднялась.

И вот теперь её прорвало.

— Вы с самого начала решили, что я здесь по блату! Что я бесполезная! Что я всё испорчу!

— Варя...

— Нет, правда! Вам же так удобно! Дочка начальника! Конечно, она тупая! Конечно, её сюда засунули просто так!

— Я этого не говорил.

— Но думали!

Тишина.

Опасная.

Тяжёлая.

Потому что она снова попала в точку.

Я думал.

С самого начала.

И сейчас мне было за это стыдно.

Варя шумно выдохнула и отвернулась.

— Я не делала этого, Волков.

Тихо.

Так тихо, что у меня внутри всё сжалось.

— Я знаю.

Она резко повернулась.

— Что?

Я сам не понял, когда успел это решить.

Наверное, в тот момент, когда увидел её глаза у полков-

ника в кабинете.

Там не было вины.

Только боль.

И обида от того, что ей снова не поверили.

— Я сказал: знаю.

Варя смотрела на меня так, будто не верила услышанному.

И это почему-то добило окончательно.

Потому что, видимо, она уже привыкла, что ей не верят.

Чёрт.

Меня накрыло раздражением.

На того, кто это сделал.

На себя.

На весь этот отдел.

— Кто имел доступ к папкам? — резко спросил я.

Она моргнула.

— Что?

— Кроме тебя.

— Архивариус. Громов. Ещё двое из оперативников...

Я кивнул.

И вдруг заметил её руки.

Она всё ещё дрожала.

Совсем немного.

Но дрожала.

Не от страха.

От нервов.

От злости.

От обиды.

Я медленно подошёл ближе.

Слишком близко.

И тихо сказал:

— Эй.

Она подняла глаза.

Колдовские.

Сейчас потемневшие, злые и уставшие.

— Мы найдём, кто это сделал.

Варя нервно усмехнулась.

— С чего вдруг вы решили мне помочь?

Потому что кто-то сделал тебе больно.

Потому что я ненавижу видеть тебя такой.

Потому что, когда ты перестаёшь огрызаться, у меня внутри всё к чёрту переворачивается.

Но вслух я сказал:

— Потому что терпеть не могу, когда подставляют своих.

Она замерла.

И что-то в её взгляде дрогнуло.

Мягко.

Тепло.

Опасно.

— Своих?.. — тихо переспросила она.

Твою мать.

Я слишком поздно понял, что именно сказал.

ГЛАВА 7 ОСТРЫЙ ЯЗЫК

В десять вечера отдел выглядел совсем иначе.

Днём здесь всё гремело, шумело, материлось и бегало. Телефоны разрывались. Опера спорили. Полковник орал так, что дрожали стены.

А ночью...

Ночью оставались только гул ламп, запах кофе и усталость.

Настоящая.

Та, которая въедается под кожу.

Я сидел в кабинете один и пытался закончить отчёт по операции.

Получалось хреново.

Плечо ныло.

Голова тоже.

А ещё меня раздражало, что последние полчаса я слишком отчётливо слышу звук клавиатуры из соседнего кабинета.

Тихий.

Быстрый.

Нервирующий.

Потому что я знал, кто там сидит.

Варя.

Снова задержалась допоздна.

Снова одна.

Твою мать.

Я раздражённо отбросил ручку и поднялся.

Просто проверить.

Просто убедиться, что она не уснула лицом в документах.

Ничего больше.

Конечно.

Я подошёл к её кабинету и замер в дверях.

Варя сидела за столом, поджав под себя одну ногу. Очки сползли на кончик носа. Светлые волосы выбились из хвоста и падали на лицо.

Она что-то быстро печатала, хмурясь так сосредоточенно, будто от этих документов зависела судьба мира.

Кружка с давно остывшим кофе стояла рядом.

И почему-то от этой картины внутри стало странно тепло.

Опасное чувство.

Ненужное.

Я постучал костяшками по косяку.

Варя вздрогнула и резко подняла голову.

— Господи! — выдохнула она. — Вы всегда подкрадываетесь как маньяк?

— Это профессиональное.

Она сняла очки и устало потёрла глаза.

— Что вам нужно, майор Волков?

Я прислонился плечом к двери.

— Проверяю, не умерли ли вы среди бумажек.

— Разочарую. Пока жива.

— Жаль.

— Не переживайте. У вас ещё есть шанс.

Я усмехнулся.

Чёрт.

Даже уставшая, растрёпанная и злая она умудрялась быть красивой.

Очень.

И это раздражало.

— Почему вы всё ещё здесь? — спросил я.

— Работаю.

— Уже ночь.

— Удивительно, что вы заметили время.

— Варя.

— Что?

— Ты опять сидишь здесь одна.

Она пожала плечами.

— И что?

— Ничего хорошего.

— Почему?

Потому что я начинаю привыкать к этому.

К тебе.

К твоему голосу.

К тому, что ищу тебя взглядом в отделе.

К тому, что, когда ты исчезаешь, становится пусто.

Но вслух я сказал другое:

— Потому что нормальные люди в это время дома.

Она медленно подняла бровь.

— А вы?

— А я ненормальный.

— Наконец-то хоть в чём-то мы пришли к согласию.

Я тихо хмыкнул.

Варя снова уткнулась в монитор.

А я почему-то не уходил.

Стоял.

Смотрел на неё.

И понимал, что впервые за долгое время мне спокойно рядом с кем-то.

Без игры.

Без необходимости быть жёстким.

Просто спокойно.

Это было опаснее любых чувств.

— Вы так и будете сверлить меня взглядом? — вдруг спросила она, не поднимая головы.

— А вы так и будете делать вид, что не замечаете?

Теперь она всё-таки посмотрела на меня.

И в её глазах вспыхнуло что-то знакомое.

Искра.

Та самая.

От которой между нами воздух становился горячим.

— Самоуверенность вам очень идёт, майор.

— А вам идёт злиться.

— Я не злюсь.

— Врёшь.

Она медленно откинулась на спинку стула.

— Хорошо. Немного.

— Из-за чего?

— Из-за вас.

Я усмехнулся.

— Какая честь.

— Не обольщайтесь.

— Поздно.

Варя закатила глаза, но уголки её губ дрогнули.

И я опять поймал себя на том, что люблюсь.

Её улыбкой.

Румянцем от усталости.

Тем, как она прикусывает губу, когда нервничает.

Твою мать.

Это плохо.

Очень.

— Что опять? — спросила она вдруг.

— В смысле?

— Вы так смотрите, будто мысленно спорите сами с собой.

Я замер.

Попала.

Опять.

— И кто побеждает? — тихо добавила она.

Ты.

Всегда ты.

— Я, конечно.

Она тихо рассмеялась.

И этот звук ударил куда-то под рёбра.

Потому что ночью, в пустом отделе, её смех звучал слишком интимно.

Слишком лично.

— Врёте вы плохо, Волков.

— А ты слишком много о себе думаешь.

— Нет. Просто слишком внимательно на вас смотрю.

Воздух между нами будто натянулся.

Резко.

Опасно.

Я медленно подошёл ближе.

Варя сразу замолчала.

Только глаза стали темнее.

Чёрт.

— Это угроза? — тихо спросил я.

— Предупреждение.

— И о чём же?

Она выдержала мой взгляд.

Не отвела.

Не испугалась.

— О том, что однажды вы всё-таки скажете мне правду.

У меня внутри что-то дёрнулось.

Больно.

Потому что правду говорить нельзя.

Нельзя говорить, что я думаю о ней слишком часто.

Что меня ломает от её близости.

Что я, взрослый мужик, ловлю себя на желании просто сидеть рядом и слушать, как она ворчит на документы.

Это уже не просто интерес.

И именно это пугало.

— А если не скажу? — хрипло спросил я.

Варя медленно поднялась.

Теперь между нами почти не осталось расстояния.

Я чувствовал тепло её тела.

Запах ванили.

И собственный пульс где-то в горле.

— Скажете, — тихо ответила она. — Вы слишком честный, когда злитесь.

— Ты сейчас нарываешься.

— А вы мне угрожаете?

— Предупреждаю.

— О чём?

Я наклонился чуть ближе.

Настолько, что её дыхание коснулось моей кожи.

— О том, что тебе лучше держаться от меня подальше, Варя.

Тишина.

Долгая.

Тяжёлая.

Она смотрела мне в глаза так внимательно, будто пыталась увидеть там что-то важное.

А потом тихо спросила:

— Тогда почему вы сами постоянно подходите ближе?

Удар.

Прямо в грудь.

Я замер.

Потому что ответ был слишком очевидным.

И слишком опасным.

Варя вдруг медленно улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

— Вот видите, майор Волков... — прошептала она. — Вы снова проиграли спор самому себе.

Чёрт.

Я резко опёрся ладонью о её стол.

Слишком близко.

Слишком.

Она шумно вдохнула.

И впервые за всё время я увидел в её глазах не только упрямство.

Желание.

Настоящее.

Горячее.

Оно вспыхнуло между нами мгновенно.

Без предупреждения.

Я почувствовал, как у неё сбилось дыхание.

Как дрогнули пальцы.

Как мой собственный контроль начинает трещать к чёртовой матери.

— Варя... — хрипло произнёс я.

Она сглотнула.

Медленно.

И тихо спросила:

— Что?

Я смотрел на её губы.

На тонкую светлую прядь у щеки.

На то, как быстро поднимается её грудь от дыхания.

Ещё шаг.

Ещё сантиметр.

И всё.

Конец.

Я поцеловал бы её.

Прямо здесь.

В пустом отделе.

На её рабочем столе.

Плевать на полковника.

На правила.

На здравый смысл.

На всё.

И, кажется, она это поняла.

Потому что вдруг прошептала:

— Не надо...

Но голос у неё звучал так, будто она сама себе не верила.

Я закрыл глаза на секунду.

Чёрт.

Чёрт.

Чёрт.

— Ты не представляешь, как сильно сейчас усложняешь мне жизнь, — глухо сказал я.

Она нервно усмехнулась.

— Поверьте... это взаимно.

Я открыл глаза.

И увидел, что она тоже смотрит на мои губы.

Всё.

Контроль закончился.

Я уже наклонился ближе, когда вдруг где-то в коридоре хлопнула дверь.

Мы оба дёрнулись.

Резко.

Будто нас облили ледяной водой.

Варя сразу отступила назад.

Я выпрямился и провёл ладонью по лицу.

Твою мать.

Сердце колотилось как после драки.

В коридоре слышались шаги.

Потом голос Громова:

— Волков! Ты тут?

Я мысленно пожелал ему мучительной смерти.

Варя отвернулась к столу слишком быстро.

Слишком нервно.

— Вам лучше уйти, — тихо сказала она.

— Варя...

— Пожалуйста.

Я смотрел на её напряжённую спину и понимал: ещё немного — и мы оба сорвёмся.

А потом будет поздно.

Совсем.

— Ладно, — хрипло ответил я.

И направился к двери.

Уже на пороге Варя вдруг тихо произнесла:

— Майор Волков.

Я обернулся.

Она смотрела прямо на меня.

И в её глазах всё ещё горело то самое опасное пламя.

— Что?

Её губы дрогнули в слабой улыбке.

— Вы всё-таки ужасно врёте.

И вот тогда я понял окончательно.

Эта женщина однажды меня уничтожит.

ГЛАВА 8 НЕЛОВКИЙ МОМЕНТ

Я уехал из отдела почти в полночь.

Не потому, что закончил дела.

Дела в нашем отделе не заканчивались никогда. Они только размножались, как тараканы после ядерной войны.

Я уехал, потому что ещё пять минут — и я снова пошёл бы к Варё.

А это было бы ошибкой.

Большой.

Глупой.

Опасной.

Из тех ошибок, после которых уже не откатиться назад, не сделать вид, что ничего не случилось, не спрятаться за привычное «не мой тип» и «держись подальше».

Я уже держался.

Честно.

Стиснув зубы.

Кулаки.

И всё, что ещё можно было стиснуть, чтобы не шагнуть к ней в том чёртовом кабинете и не поцеловать так, как хотелось.

А хотелось до боли.

Я гнал байк по ночному городу, и холодный ветер бил в лицо, но не помогал. Перед глазами всё равно стояла Варя.

Растрёпанная.
 Уставшая.
 С этими своими невозможными глазами.
 С тихим «пожалуйста», от которого меня перекосило сильнее любого приказа.

Я умел сопротивляться страху.

Боли.

Пулям.

Но не женщине, которая смотрела на меня так, будто тоже вот-вот сорвётся.

Когда телефон зазвонил, я даже обрадовался.

Любой вызов был лучше собственных мыслей.

На экране высветилось: Полковник.

Я принял звонок.

— Волков.

— Ты где?

Голос у него был не злой.

Хуже.

Напряжённый.

— Еду домой.

— Разворачивайся.

Я сжал руль.

— Что случилось?

— Варя трубку не берёт.

Я резко сбросил скорость.

— И?

— Не икай мне. Я не могу до неё дозвониться уже сорок минут. Она сказала, что уехала из отдела, но дома её нет.

В груди неприятно кольнуло.

Сорок минут.

Ночь.

Город.

Варя одна.

— Может, телефон сел.

— Может, — резко отрезал он. — А может, после сегодняшней подставы кто-то решил продолжить.

Я выругался сквозь зубы.

Мы оба подумали об одном и том же.

— Адрес.

Полковник продиктовал.

Я развернул байк так резко, что заднее колесо повело по мокрому асфальту.

— Волков.

— Что?

— Найди её.

В его голосе впервые за всё время была не команда.

Просьба.

Тяжёлая.

Отцовская.

И от этого стало ещё хуже.

— Найду.

Я убрал телефон и вдавил газ.

Город смазался огнями.

Я летел, нарушая всё, что можно нарушить, и пытался убе-

дить себя, что это просто работа.

Просто дочь начальника.

Просто сотрудник отдела.

Просто человек, которого нужно проверить.

Но сердце колотилось так, будто я ехал не к сотруднику.

А к своей.

Твою мать.

Дом оказался старой пятиэтажкой в тихом дворе.

Не элитный комплекс.

Не охраняемый подъезд.

Обычный дом.

С облезлой краской на перилах, тусклой лампочкой у входа и запахом мокрого асфальта.

Почему-то это выбило.

Я ожидал чего угодно.

Квартиру полковничьей дочери в дорогом районе.

Дверь с видеонаблюдением.

Охрану.

Но Варя жила здесь.

Обычная девчонка в обычном доме.

Я поднялся на третий этаж и нажал звонок.

Тишина.

Ещё раз.

Ничего.

Внутри всё стало холодным.

— Варя! — резко позвал я, стуча кулаком. — Открой!
За дверью что-то глухо шуршало.

Потом — тихий стук.

И голос.

Слабый.

— Кто там?

Я выдохнул так резко, будто только что вынырнул из-под воды.

— Волков. Открывай.

Пауза.

— Зачем?

— Варя, мать твою, открой дверь.

Замок щёлкнул.

Дверь приоткрылась.

И я завис.

Потому что на пороге стояла совсем не та Варя, к которой я привык.

Не делопроизводитель с идеально собранными волосами.

Не язвительная блондинка в рубашке и каблуках.

Не девчонка, которая спорила со мной так, будто у неё в руках граната.

Передо мной стояла Варя в огромной домашней футболке, сползшей с одного плеча, с распущенными волосами и покрасневшими глазами.

Бледная.

Растерянная.

Живая.

Настоящая до боли.

На щеке блестела дорожка от слезы.

И меня словно ударили.

— Что случилось? — хрипло спросил я.

Она тут же отвернулась.

— Ничего.

— Не ври.

— Я не обязана перед вами отчитываться.

Голос колючий.

Но слабый.

Сломанный.

Я шагнул внутрь, не спрашивая разрешения.

Варя попыталась преградить дорогу.

— Волков!

— Закрой дверь.

— Вы совсем охренели?

— Да.

Я захлопнул дверь за собой и быстро оглядел квартиру.

Маленькая прихожая.
 Тапочки у стены.
 Свет на

кухне.
 На полу раскрытая сумка.
 Рядом — документы, рассыпанные веером.

Никакой борьбы.

Никого чужого.

Только она.

И её дрожащие руки.

— Телефон где? — спросил я.

— Разрядился.

— Полковник чуть с ума не сошёл.

Она закрыла глаза.

— Чёрт.

— Да. Именно.

Варя резко развернулась ко мне.

— Я не маленькая девочка, чтобы он поднимал всех на уши!

— Сегодня тебя подставили. Потом ты исчезла. Телефон молчит. Что он должен был делать? Вязать носки?

— Не надо на меня орать!

— А ты не заставляй меня думать, что с тобой что-то случилось!

Фраза вылетела сама.

Слишком громко.

Слишком честно.

Варя замерла.

Я тоже.

Между нами повисла тишина.

Горячая.

Неловкая.

Опасная.

Она медленно подняла на меня глаза.

— Вас... это волновало?

Я сжал челюсть.

Вот он.

Момент, когда надо отступить.

Сказать что-то грубое.

Спрятаться.

Уйти.

Но я смотрел на её опухшие от слёз глаза, на дрожащие губы, на эту идиотскую огромную футболку, в которой она выглядела маленькой и такой беззащитной, что у меня внутри всё ломало.

— Да, — сказал я глухо. — Волновало.

Варя моргнула.

И эта одна секунда была страшнее любого боя.

Потому что я увидел, как она не поверила.

Не сразу.

Словно слишком привыкла, что о ней волнуются только потому, что она дочь полковника.

А не потому, что она Варя.

— Зачем вы приехали? — тихо спросила она.

— Проверить, жива ли ты.

— И всё?

Нет.

Не всё.

Я хотел увидеть тебя.

Хотел убедиться, что ты цела.

Хотел убить любого, кто заставил тебя плакать.

— Не усложняй, — буркнул я.

Она горько усмехнулась.

— Конечно. Это же ваша любимая тактика.

— Какая?

— Сделать шаг ближе, а потом ударить словами.

Я молчал.

Потому что она была права.

Опять.

Варя прошла на кухню, включила чайник и встала ко мне спиной.

Я остался в дверях.

Слишком большой для её маленькой кухни.

Слишком чужой.

Слишком неуместный.

На столе лежали распечатки. Черновики. Пометки. Её аккуратный почерк. Цветные стикеры. И рядом — скомканная салфетка.

Не одна.

Несколько.

Чёрт.

Она плакала.

Одна.

Здесь.

Пока я в отделе пытался убедить себя, что мне плевать.

— Кто тебя довёл? — тихо спросил я.

— Никто.

— Варя.

Она резко обернулась.

— Что вы хотите услышать? Что мне больно? Да, больно! Довольны?

Её голос сорвался.

И у меня внутри что-то хрустнуло.

— Я весь день держалась, — продолжила она, уже не оставиваясь. — Перед отцом. Перед вами. Перед всеми этими людьми, которые смотрят так, будто ждут, когда я сломаюсь. А потом пришла домой и поняла, что больше не могу.

Она сжала край стола так сильно, что побелели пальцы.

— Я устала доказывать. Устала быть сильной. Устала улыбаться, когда хочется просто... исчезнуть на час. Хотя бы на час, Волков.

Я стоял неподвижно.

И не знал, что делать.

Потому что с истериками я обычно справлялся просто: уходил.

С чужой болью — тоже.

А тут уйти было невозможно.

— Они подделали мою подпись, — тихо сказала она. — Или заставили меня подписать подложенную папку. Я не знаю. Но я всё помню. Я проверяла каждую папку. Каждую.

— Я верю.

Она резко замолчала.

Словно эти два слова ударили сильнее её собственного крика.

— Что?

Я сделал шаг ближе.

— Я тебе верю.

Варя смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

И вдруг у неё задрожал подбородок.

Совсем чуть-чуть.

Но этого хватило.

Я подошёл ещё ближе.

— Эй.

— Не надо, — прошептала она.

— Что не надо?

— Быть сейчас нормальным.

Я слабо усмехнулся.

— Не привыкла?

Она покачала головой.

И слёзы всё-таки сорвались.

Беззвучно.

Просто покатались по щекам.

Я выругался почти неслышно.

И сделал то, чего точно не должен был делать.

Обнял её.

Сначала она застыла.

Вся.

Как натянутая струна.

Потом упёрлась ладонями мне в грудь, будто хотела оттолкнуть.

Но не оттолкнула.

Только сжала пальцами мою футболку.

И вдруг уткнулась лбом мне в грудь.

Тихо.

Больно.

По-настоящему.

Я стоял посреди её маленькой кухни и держал дочь полковника в руках.

Нет.

Не дочь полковника.

Варю.

Упрямую, язвительную, сильную Варю, которая сейчас дрожала в моих объятиях и пыталась дышать ровно.

Я провёл ладонью по её волосам.

Осторожно.

Неловко.

Как будто боялся сломать.

— Ты не обязана быть железной, — сказал я тихо.

Она горько усмехнулась куда-то мне в грудь.

— Сказал мужчина-бронепоезд.

— Я ржавый бронепоезд.

И она вдруг фыркнула.

Сквозь слёзы.

Неловко.

Смешно.

Живо.

Я почувствовал это всем телом.

Как она чуть расслабилась.

Как её дыхание стало ровнее.

Как мои собственные руки не хотят её отпускать.

Вот тогда я понял.

Окончательно.

За её острым языком, колкостями, упрямством и вечным «я сама» скрывалась не холодная стерва.

А девушка, которая слишком долго доказывала миру, что выдержит.

Даже когда уже не выдерживала.

И мне захотелось не просто защитить её.

Мне захотелось стать местом, где ей не нужно держаться.

Это желание было страшным.

Огромным.

Неуправляемым.

Варя медленно подняла голову.

Наши лица оказались слишком близко.

Её глаза блестели от слёз.

Губы дрожали.

И я вдруг понял: если она сейчас попросит — я останусь.

На ночь.

На жизнь.

На что угодно.

Твою мать.

— Волков... — прошептала она.

— Что?

— Вы сейчас опять оттолкнёте меня?

Я замер.

Вопрос был тихий.

Но ударил сильнее любого обвинения.

Потому что она уже ждала.

Ждала, что я испугаюсь.

Спрячусь.

Скажу что-то жестокое.

Как в спортзале.

Я медленно выдохнул.

— Не хочу.

Она моргнула.

— Что?

— Не хочу отталкивать.

Варя смотрела на меня так, будто я только что признался в чём-то невозможном.

А потом её ладонь осторожно поднялась и коснулась моей разбитой костяшки.

Той самой.

Она провела пальцами по ссадине.

Легко.

Нежно.

И у меня внутри всё перевернулось.

— Тогда не надо, — прошептала она.

Я должен был уйти.

Прямо сейчас.

Отпустить её.

Сказать, что поздно, что это слабость, что мы оба устали
и завтра пожалеем.

Я должен был.

Но вместо этого просто накрыл её ладонь своей.

И сказал правду.

— Я пытаюсь держаться от тебя подальше.

— Знаю.

— Плохо получается.

Её губы дрогнули.

— Ужасно.

Я тихо рассмеялся.

И впервые за эти дни смех не резал.

Он будто освобождал.

На секунду.

На вдох.

На этот маленький тёплый мир на её кухне, где не было
приказов, отчётов и чужих взглядов.

Были только она.

Я.

И расстояние между нами, которое таяло слишком быстро.

Телефон в кармане завибрировал.

Мы оба вздрогнули.

Я достал мобильный.

Полковник.

Конечно.

Я ответил, не отпуская Варину руку.

— Она дома.

На другом конце повисла тишина.

Потом хриплый выдох:

— Цела?

Я посмотрел на Варю.

Она стояла рядом.

В огромной футболке, с красными глазами и упрямо поднятым подбородком.

Сломанная на вечер.

Но не побеждённая.

— Цела, — сказал я. — Я с ней.

И только произнеся это, понял, как звучит.

Полковник тоже понял.

— Волков.

Одно слово.

Угроза.

Предупреждение.

Приговор.

Я закрыл глаза.

— Завтра поговорим.

И сбросил.

Варя смотрела на меня огромными глазами.

— Вы сейчас нажили себе проблем.

Я убрал телефон.

— Ты вообще заметила? Я их коллекционирую.

Она тихо улыбнулась.

Уставшая.

Нежная.

Настоящая.

И эта улыбка была хуже любой катастрофы.

Потому что ради неё хотелось вляпаться во все проблемы мира.

Я осторожно отпустил её руку.

— Заряди телефон. Позвони отцу.

— Хорошо.

— Запри дверь.

— Волков...

— Что?

Она шагнула ближе.

Совсем чуть-чуть.

Но мне хватило, чтобы снова забыть, как дышать.

— Спасибо.

Простое слово.

Но в её голосе было столько, что меня накрыло.

Я кивнул.

Потому что ответить нормально не смог бы.

Потом вышел.

Закрыл за собой дверь.

И несколько секунд просто стоял в подъезде, упершись

ладонью в холодную стену.

Я должен был уехать и забыть этот вечер.

Забыть её слёзы.

Её руки на моей футболке.

Её тихое «не надо отталкивать».

Но я уже знал.

Не забуду.

Никогда.

Потому что сегодня я увидел Варю настоящей.

Не колючую.

Не дерзкую.

Не полковничью дочь.

А живую.

И теперь держаться подальше стало почти невозможно.

ГЛАВА 9 СПАСЕНИЕ

Утро после той ночи было похоже на похмелье.

Только вместо алкоголя — Варя.

Её запах на моей коже.

Её дрожащие пальцы.

Её тихое:
«Тогда не надо отталкивать».

Я почти не спал.

Сначала полночи сидел на кухне с бутылкой воды и смотрел в стену, как полный идиот.

Потом пытался убедить себя, что всё ещё под контролем.

Получалось хреново.

Потому что впервые за много лет мне хотелось не просто женщину.

Мне хотелось одну конкретную женщину.

Целиком.

Со всеми её колкостями, проблемами и этим невозможным взглядом, от которого внутри всё переворачивалось.

И именно поэтому с утра я был злой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.